

ЛИНГВО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА
НАТАЛИ САРРОТ "ВЫ ИХ СЛЫШИТЕ?"

Натали Саррот является одной из ярких представительниц литературного течения, получившего название "Новый роман". Еще в начале 40-х годов XX в. она начала размышлять о проблемах современного романа. Издав в 1979 году свою первую книгу под названием "тропизмы", Н.Саррот тем самым создала новый термин, нашедший применение в психоскриптуальном исследовании тонкого и неуловимого душевного движения. Автору удалось осуществить свои литературные замыслы в серии романов, таких как "Martereau", "Le Planétarium", "Les Fruits d'or", "Enfance", "Entre la vie et la mort" и других.

Появление все новых и новых романов, далеких от традиционных, подтверждало необходимость обновления форм классического романа и использования "нового" языка, характеризующего прерывистой и немногословной речью, позволяющей выявить через художественную структуру произведения бесчисленные ситуации агрессии, которые составляют суть сознательной жизни.

Таким образом, Новый роман — исследовательский роман, в котором социальный и психологический реализм переплетен со свободной игрой фантазии. Наиболее известными представителями Нового романа в современной французской литературе являются также Ален Роб-Грийе, Мишель Бютор, Клод Симон, Клод Мориак и другие.

Роман Н.Саррот "Вы их слышите?", написанный в 1972 году, основан на ситуациях конфликта и агрессии, описанных автором в более ранних романах. С содержательной стороны все эти произведения характеризуются единым сюжетом, каковым является коллективная психика. Выбор данного сюжета подчинен

одной цели: изучению человеческой психики, проявление которой обнаруживается не в самом человеке, а в отношениях между людьми. Задача Н.Саррот заключается в широте временного, а не пространственного описания: главное не в том, чтобы увидеть то или иное душевное состояние вблизи, а прежде чем оно приобретает конкретную форму и превратится в поддающееся объяснению неосознанное стремление.

Роман "Вы их слышите?" основан на конфликте поколений, культур, жизненных концепций. Основным организующим признаком романа является параллелизм и контраст. Автор строит свой роман на серии пережитых ситуаций, придуманных героями-повествователями. В композиции произведения ведущей становится структура повествования, которая и является основным средством раскрытия сюжета. Каждая ситуация представлена несколько раз и каждый раз по-разному.

Роман начинается со слов "Vous les entendez?" ("Вы их слышите?"), имеется в виду смех детей, обитателей загородного дома, которые вежливо попрощавшись с отцом и его другом-соседом, поднялись в свою комнату, чтобы лечь спать. И вдруг через закрытую дверь спальни громкие детские голоса заполнили весь дом. "Oui, des rires jeunes. Des rires frais. Des rires insouciant. Des rires argentins. Clochette. Gouttelette. Jets d'eau. Cascade légère. Gazouillis d'oiselet..." ("Детский смех. Невинный смех. Беззаботный смех. Серебристый смех. Колокольчик. Капелька. Фонтан. Небольшой каскад. Щебетание птиц"). В отрывке, одни образы рождают другие в большом метафорическом поле, где слова разглаживаются в незаконченный, отрывистый ритм, который отмечен многоточием (типичная сарротовская пунктуация). Итак, первые три прилагательных "jeune" ("молодой"), "frais" (зд. "детский"), "insouciant" ("беззаботный") как нельзя лучше передают характер детского смеха и их выбор способствует как раз возникновению у них дополнительных, имплицитных значений. Метафора

основана также на взаимодействии свободного и связанного значений в прилагательном "argentin" ("серебристый") и существительном "clochette" ("колокольчик"). А существительные "gouttelette" ("капелька"), "jets d'eau" ("фонтан"), "cascade légère" (зд. "небольшой каскад") организованы по принципу нарастающей градации. Благодаря метафорической комбинации свободных и связанных значений, в сознании читателя возникает сравнение между конкретным предметом ("clochette") и "качеством" смеха детей — звонким, как колокольчик, как щебетание птиц. И это подразумевающееся сравнение по-новому освещает семантику слов, составляющих градацию: к эксплицитному значению присоединяются имплицитные, передающие эмоциональную реакцию на смех.

В характеристике смеха, включенной непосредственно в повествование, часто используются сравнения: "Ces rires comme des aiguilles. Ces rires comme de fines lanières qui cinglent". В этих сравнениях уже чувствуется недоброжелательное отношение отца к смеху своих детей: "этот колкий как игла смех" или "смех как ремешок, который хлестает". Так, слово "aiguille" ("игла") и "cingler" ("хлестать") образуют некоторый словесно-художественный образ, усиливая конкретность представления за счет образного восприятия.

Герой-отец, будучи не в силах стерпеть нарастающий детский смех, в ярости направляется в детскую в надежде усмирить своих детей: "Ils vont s'arrêter, se blottir dans les coins, tout effrayés" ("Сильно напуганные, они прекратят, спрячутся по углам"). Здесь же повествование получает дальнейшее образное развитие в контексте: "Comme des nymphes effarouchées qu'un satyre surprend en train de danser, quand entre tout à coup hurlant, montrant ses grandes dents, le méchant loup noir" ("Подобно тому, как Сатиры застают врасплох танцующих, напуганных нимф, так и внезапно входит рычащий, черный злой волк и показывает свои огромные зубы"). В этом отрывке обнаруживаются метонимически использованные слово-

сочетания. Так, автор использует слово "nymphe" ("нимфа") для обозначения испуганных детей, которые прячутся от страха при виде отца, обозначенного метафорически словосочетанием "le méchant loup noir" ("черный злой волк"). Метонимической трансформации подвергается в том же отрывке имя мифологических божеств Сатиров, которое, как известно, в современном языке является синонимом пьяного и похотливого существа. При этом имя собственное переходит в категорию имени нарицательного для обозначения качеств, присущих в данном случае герою-отцу.

В другом отрывке Н.Саррот с помощью развернутой метафоры, представляет отношение отца к детскому смеху: "Cet individu comouflé sous l'apparence du brave père de famille... en secret, par des procédés connus de lui seul, réussissait à fabriquer à partir de ces rires un fleuve de pourriture qui se serait répandu sur toute la terre...". ("Этому типу, скрытому под маской благочестивого отца семейства, тайно, лишь ему одному известными способами, удавалось создать из детского смеха образ гнилой реки, которая наводнила бы всю землю"). Итак, смех детей подобно гнилой реке наводнит весь мир, в котором, по мнению героя-повествователя, вся грязь и недоверие являются порождением этого смеха.

Столкновение двух поколений играет очень существенную роль в реализации эстетического задания, которое заключается в том, чтобы сквозь призму конкретного предмета, каменной статуэтки неизвестного мифологического существа, показать конфликт разных поколений. Эмоциональное восприятие этого конфликта усиливается за счет того, что эта статуэтка представлена как воплощение высшего Искусства. И любое проявление детской радости воспринимается как неуважительное отношение к этому собирательному образу, а следовательно и ко всем заслуживающим поклонения произведениям искусства. По-видимому, отсюда и зарождается неприязнь отца ко всему новому, противоречащему его мироощущению. Так, взволнованный, эмоциональ-

ный тон создается за счет коротких, прерывистых фраз: "Ces rires... Vous les entendez? Ils (les enfants) se sont levés. Ils sont en train de souiller, de détruire tout... Voyez ce qu'ils font de moi... Ils m'achèvent lentement" ("Этот смех... Вы его слышите? Они (дети) восстали. Они оскверняют, разрушают все... Смотрите, что они делают со мной... Они меня постепенно уничтожают").

Образ этой статуэтки, проходящий красной нитью через весь роман, позволяет раскрыть разные уровни отношений и с его помощью происходит переключение от языкового к идейному, идеологическому плану произведения.

Повествование часто ведется от лица второго героя — "голоса друга", который часто выступает в противовес голосу главного героя. Вполне адекватное восприятие детского смеха со стороны "второго голоса" позволяет раскрыть многие простые истины: "C'est de leur âge. Oui, c'est vrai nous étions comme eux. Ils sont jeunes. Ils sont gais" ("Это нормально в их возрасте. Да, это так, мы были такими же, как они. Они молоды. Они веселы"). И это делается с помощью своеобразного одностороннего диалога, который можно рассмотреть как разновидность одноголосого повествования. В неожиданных переходах от одной композиционно-речевой формы к другой обнаруживается некоторая контрастность. Переход от двусторонне-диалогической формы к собственно повествованию и обратно чаще всего осуществляется неожиданно. Итак, эпизод, рассказывающий о том, как отец возмущается поведением своих детей, вводится преимущественно в формах повествования двух типов, но в некоторых местах оно переходит в форму двустороннего диалога, который, характеризует наиболее эмоциональные отрезки речи.

В конце романа после многочисленных нападок в адрес своих детей, герой наконец-то прозревает и признает главное: лишь бы дети существовали со своими шалостями, резвостью, детской непосредственностью. Именно созданию этой эмоциональной тональности подчинено использование нарастающей

градации: "Ces enfants qu'ils soient ce qu'ils veulent, qu'ils soient n'importe quoi pourvu qu'ils existent. Qu'ils s'affirment contre moi, s'il le faut... Qu'ils me blessent, qu'ils me piétinent, si ça peut leur faire du bien, qu'ils me tuent donc" ("Пусть дети будут тем, кем хотят, пусть они будут неизвестно чем, лишь бы они были. Пусть они выступают против меня, если это необходимо... Пусть они меня оскорбляют, топчут, если это им поможет, пусть, наконец, убьют меня"). И не случайно, что роман заканчивается так, как он должен закончиться: "Leurs rires, s'égrènent, des rires insoucians, des rires innocents" ("Раздается беззаботный, невинный смех").

Таким образом, анализ романа "Вы их слышите?" обнаруживает, что в этом произведении на первый план выступает повествовательный уровень, в котором столкновение различных речевых структур непосредственно реализует эстетическое задание — раскрывает процесс внутреннего перелома в характере героя: тем не менее повествовательная структура, несмотря на ее функциональное разрастание, все-таки предопределяется эстетическими и литературными уровнями, а не наоборот. Но основные компоненты литературного уровня развиты слабо по сравнению с речевой структурой: все персонажи представлены не в живом единстве их характеров, а символично и лишь со стороны их восприятия автором: сюжет как таковой также отодвигается на задний план, уступая место эмоциональной оценке составляющих его эпизодов. Центральное место занимает образ главного персонажа, который так тесно связан со структурой повествования, что почти неотделим от нее и который является основным проводником эстетического замысла.